

«Разумъ,—опредѣляетъ онъ, не заботясь о всѣхъ прежнихъ опредѣленіяхъ,—для человѣка законъ, по которому совершается его жизнь. Законъ, который мы знаемъ въ себѣ какъ законъ нашей жизни, есть тотъ же законъ, по которому совершаются и всѣ вѣнчанія явленія міра, съ той лишь разницей, что въ себѣ мы знаемъ этотъ законъ какъ то, что должны мы совершать, во вѣнчаніяхъ же явленіяхъ какъ то, что совершается по этому закону. Все, то что мы знаемъ о мірѣ, есть только видимое нами, вѣнчаніе совершающееся подчиненіе Разуму».

Но мы уже знаемъ, что это подчиненіе Разуму оказывается ничѣмъ инымъ, какъ отъ кровеніемъ внутри себя истины, которую можно «знать въ себѣ», но которой никто не можетъ надѣлить со стороны. Такого рода самопроизвольное внутреннее подчиненіе есть ничто иное, какъ свободное слѣдованіе внутреннему призванію. О такого рода «подчиненіи» Толстой говоритъ:—«Душа знаетъ о своей правотѣ радостью». Слово—радость,—здѣсь многозначительно и указываетъ на ту свободу внутреннихъ путей жизни, о которой мыслитель совершенно забываетъ, когда сворачиваетъ на дорогу своего упрямаго рационализма и начинаетъ доказывать, что подчиненіе Разуму намъ прежде всего выгодно и изъ-за одной этой выгоды слѣдуетъ дѣлать